

ФАКТОР ИГИЛ И ДВИЖЕНИЕ ТАЛИБАН В ПОЛИТИКЕ РОССИИ ПО АФГАНИСТАНУ И В БОЛЕЕ ШИРОКОМ РЕГИОНЕ

DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-213-237

Ключевые слова: Афганистан, вооруженный конфликт, терроризм, ИГ/ИГИЛ, «Вилаят Хорасан», Талибан, Россия, Центральная Азия, терроризм, мирный процесс, Пакистан, США

Аннотация: В статье рассматривается оценка Россией масштаба и характера угрозы со стороны ИГИЛ в контексте ситуации внутри и вокруг Афганистана, сравнительный подход России к движению Талибан и фактору ИГИЛ, а также политика России по противодействию транснациональному вооруженному экстремизму в центральноазиатско-афганском контексте. Ограниченное присутствие ИГИЛ не только стало еще одним фактором, осложнившим ситуацию в области безопасности внутри и вокруг Афганистана, но и повлияло на оценку движения Талибан в регионе. На данном этапе исходящие из Афганистана террористические угрозы для союзников, партнеров и соседей России в Центральной Азии не слишком масштабны и не сводятся к фактору ИГИЛ, тем более в условиях постепенного сужения контроля ИГИЛ над районами основного базирования на востоке страны. Тем не менее, в ближайшие годы внешняя угроза со стороны ИГИЛ для Центральной Азии может возрасти – в виде возможного сосредоточения на севере Афганистана возвращающихся в регион из Сирии и Ирака местных боевиков-террористов. Россия не располагает прямыми рычагами давления на ситуацию внутри Афганистана, но крайне заинтересована в его стабилизации, которой не удалось достичь за годы военного присутствия сил США и НАТО. В этих условиях, помимо укрепления сотрудничества в области безопасности со странами Центральной Азии, Россия сделала основной упор на активизации контактов и координации со всеми региональными державами. В целом, относительная стабилизация в Афганистане может быть достигнута только в результате внутриафганского политического урегулирования, с участием, в той или иной форме, талибов и с учетом ряда законных интересов соседних региональных держав. Процесс политического урегулирования должен сочетаться с более консолидированными международными усилиями по противодействию таким подчеркнuto транснационализированным формам вооруженного экстремизма, как ИГИЛ. Важную и даже ведущую роль в этих усилиях применительно к Афганистану могут и должны сыграть США при администрации Д.Трампа.

Keywords: Afghanistan, armed conflict, terrorism, IS/ISIS, “Vilayat Khorasan”, Taliban, Russia, Central Asia, peace process, Pakistan, United States

Abstract: The article's main focus is on Russia's assessment of the scale and nature of the ISIS threat within and around Afghanistan, Moscow's comparative approach to the Taliban movement and the ISIS factor, and Russia's policy on countering transnational violent extremism in the Central Asia-Afghanistan context. ISIS' limited presence has not only become an additional factor complicating security situation in and around Afghanistan, but has also led to a certain reassessment of the Taliban role in the region. At present, terrorist

threats emanating from Afghanistan for Russia's allies, partners and neighbors in Central Asia are not very large and are hardly confined to ISIS, especially as the latter has been gradually losing control over its main territorial base in the east of the country. However, in the coming years, external threat from ISIS to Central Asian states may increase, in case of possible accumulation in northern Afghanistan of foreign fighters of the local, including Central Asian, origin, returning to the region from Syria and Iraq. Russia does not have any major direct leverage on the intra-Afghan situation, but has a genuine interest in stabilization of Afghanistan – something that years of large-scale U.S. and NATO military presence failed to achieve. In this context, in addition to strengthening its security cooperation with Central Asian states, Russia has focused on stepping up contacts and coordination with all key regional powers. Overall, relative stabilization in Afghanistan can only be achieved as a result of intra-Afghan political settlement that involves, in one form or another, the Taliban and accounts for some legitimate interests of regional neighbors. This process has to be coupled with more consolidated international efforts against such explicitly transnationalized forms of violent extremism as ISIS. The United States under the Trump administration can play a major or lead role in such efforts in Afghanistan.

I. Введение

В России и в мире сценарии развития событий в Афганистане после завершения вывода из страны основной части сил США и НАТО в 2014 г. рисовались в спектре от умеренного пессимизма до апокалиптических ожиданий. Реальность, как всегда, оказалась где-то посередине и, скорее, характеризуется типичным для афганской проблемы сочетанием непрерывности и преемственности, с одной стороны, и определенных перемен – с другой. Непрерывность состоит в продолжающихся вооруженных столкновениях и ожидаемых подъеме повстанческого движения во главе с талибами и спаде международного внимания к Афганистану. Среди изменений наблюдались элементы ограниченного прогресса – в том, например, что Кабулу, невзирая на множество препятствий, все же удалось, пусть и с помощью извне, выйти из политического кризиса 2014 г. и обеспечить легитимный переход власти от администрации Х.Карзая к коалиционному правительству президента А.Гани и премьера А.Абдуллы. Есть и новые осложнения – прежде всего, в виде фактора так называемого Исламского государства (ИГ), для обозначения которого в России чаще используют аббревиатуру его старого названия – ИГИЛ (Исламское государство в Ираке и Леванте).

Фактор ИГИЛ придал конфликту в Афганистане определенную новую динамику, особенно по линии ИГИЛ–Талибан и в плане влияния на ситуацию внутри движения талибов. Этот фактор также частично вернул афганский конфликт в фокус международного внимания и вызвал обеспокоенность влиянием ИГИЛ внутри и вокруг Афганистана, в том числе в Центральной Азии – в плане как возможного распространения ограниченного присутствия ИГ в Афганистане на более широкий регион, так и тех дополнительных проблем безопасности, которые могут создать возвращающиеся в регион из Сирии и Ирака боевики ИГИЛ. Росту такого внимания способствовал и ряд конкретных

событий внутри и за пределами Афганистана.

12 июня 2016 г. гражданин США афганского происхождения Омар Матин застрелил 49 человек и ранил еще 53 в ночном клубе в Орландо (штат Флорида), незадолго до этого заявив о своей приверженности ИГ. Две недели спустя три боевика ИГ, в том числе двое выходцев из Центральной Азии, устроили взрыв в стамбульском аэропорту им. М.К.Ататюрка в Турции, в результате которого погибли 45 человек. Там же в Стамбуле 1 января 2017 г. террорист из Узбекистана убил 39 человек в клубе «Рейна», а ответственность за операцию взяла на себя ИГ. Тем не менее, ни один из этих трех инцидентов не являл собой однозначную картину. В первом случае родившийся в США О.Матин – классический пример доморощенного террориста-одиночки – заявлял о своих симпатиях не только к ИГ, но и к конкурирующей с ИГ аль-Каиде и даже к воюющему с ИГ в Сирии ливанскому шиитскому движению Хизбулла. В двух других случаях главным условием, сделавшим возможными стамбульские теракты, стала, скорее, та относительная свобода маневра, которой в Турции все еще пользовались боевики ИГ, рассматривавшие ее в последние годы чуть ли не как свой «задний двор», а конкретная национальность и страна (регион) происхождения террористов имели сугубо второстепенное значение.

В самом Афганистане, по мере того как местная вариация (филиал) ИГИЛ в течение 2016-го – первой половины 2017 г. постепенно теряла контроль над частью своей без того ограниченной территориальной базы на востоке страны, ИГИЛ стало более активно переходить к ведению террористической деятельности с массовыми жертвами, в особенности к терактам против шиитского меньшинства. Примерами могут служить атаки на митинг и на мечеть в Кабуле в июле и ноябре 2016 г., соответственно, серия терактов в Кабуле, а также на севере Афганистана в ходе шиитского праздника Ашура в октябре того же года. Эти теракты стали явной попыткой разжигания конфессиональной розни в Афганистане по примеру действий ИГ на Ближнем Востоке, хотя и не достигли этой цели.

В целом, однако, угроза ИГ в афганском контексте как внутри и для самого Афганистана, так и для более широкого региона сильно преувеличена и отчасти носит манипулятивный характер – в каком-то смысле, даже в большей степени, чем когда-то угроза со стороны аль-Каиды. Утверждая это, автор не ставит под сомнение значение ИГ как еще одного фактора, осложняющего ситуацию в области безопасности в Афганистане и регионе, но настаивает на более сбалансированном и реалистическом понимании этой угрозы.

II. ИГ в Афганистане

После 2014 г. передача значительной части функций по обеспечению безопасности от США и НАТО афганским властям лишь расширила и углубила и без того растущий вакуум в этой области. Этого следовало ожидать. Несмотря на то, что афганскому правительству удалось несколько укрепить свою легитимность после того, как политический кризис вокруг оспариваемых итогов президентских выборов 2014 г. был разрешен при посредничестве США,

центральная власть продолжала терять функциональность и контроль над территорией. Политическая система Афганистана продолжает строиться на серии шатких, краткосрочных компромиссов между конкурирующими патронажными кланами и внутри них, особенно на региональном уровне (на уровне провинций). Параллельно действуют и распространяются альтернативные, теневые структуры управления – прежде всего, на территориях, контролируемых движением Талибан. Никакого серьезного прогресса на пути к устойчивому политическому урегулированию (соглашению) не наблюдается. Задачи «остаточного» контингента сил США и НАТО (численность которого в феврале 2017 г. составляла 13300 человек, из них 8400 – американцы) на практике свелись к обеспечению минимальной стабильности в столице страны Кабуле и в ряде других районов и поддержании иллюзии дееспособного и централизованного афганского государства. Пользуясь общим хаосом, талибы за последние годы предсказуемо расширили зону своего влияния и достигли ряда военных успехов внутри страны.

Тем не менее страхи, связанные с угрозой выплескивания нестабильности и насилия за пределы Афганистана в соседние страны, даже начали постепенно спадать – но лишь до тех пор, пока их вновь не подогрело появление афганской версии «Исламского государства» (ИГ, или ИГИЛ). В регионе и среди заинтересованных игроков за его пределами, включая Россию, стала расти обеспокоенность тем, что ИГИЛ удастся не только прочно обосноваться в Афганистане, но и создать прямую угрозу странам Центральной Азии.

Хотя эти опасения и не вполне обосновательны, они сильно преувеличены. Эти опасения – причем не только применительно к Афганистану – чем-то напоминают преувеличенное представление о «вездесущем» присутствии и «повсеместном» проникновении аль-Каиды и о повальной «аль-кайдаизации» чуть ли не всех вооруженных радикально-исламистских группировок в мире (вне зависимости от контекста, региона и уровня их активности), широко распространенное в начале XXI в., в первые годы после терактов 11 сентября 2001 г.

ИГ впервые проявило себя в Афганистане в восточной провинции Нангархар. Туда через границу, из пакистанского Северного Вазиристана, под силовым давлением со стороны Пакистана, начавшего летом 2014 г. очередную контртеррористическую операцию «Зарб-э-азб» в своей пограничной с Афганистаном племенной зоне, устремились боевики самых разных мастей (талибы, члены других вооруженных группировок, включая тех, кто заявил о лояльности ИГ). С тех пор прямое присутствие ИГ в Афганистане в основном ограничивалось восточными районами страны. Все остальные аспекты присутствия ИГ – возможность и масштаб его расширения на другие районы, степень вовлеченности во внутриафганское вооруженное противостояние, характер взаимоотношений и противоречия с движением Талибан, общий потенциал ИГ в Афганистане – носят спорный и слабо доказуемый характер.

В Афганистане, как и в других зонах интенсивных вооруженных конфликтов середины 2010-х гг. с участием радикально-исламистской оппозиции, крайне сложно определить, действительно ли та или иная

группировка полностью разделяет идеологию «Исламского государства» (включая поддержку проекта «халифат» и прямое, буквальное следование ультрарадикальной интерпретации ислама, пропагандируемой и практикуемой ИГ во всех сферах жизни, включая применяемые методы насилия) или же она попросту использует «бренд» ИГ в своих целях (ограничившись лишь формальной клятвой верности (*байат*) самопровозглашенному «халифу Ибрагиму» – Абу Бакру аль-Багдади, подняв черные знамена и обвешавшись атрибутикой и «знаками отличиями» ИГ). Прояснение этого вопроса требует пристального мониторинга и отслеживания активности таких группировок средствами, выходящими за рамки технической разведки, а также профессионального анализа и полевых исследований, проведение которых в условиях конфликтной зоны сильно затруднено. В большинстве случаев такая работа попросту никем не ведется. Однако в ее отсутствие принятие на веру или за чистую монету любого «слуха об ИГИЛ» (используя выражение представителя талибов Забиуллы Муджахида) несет в себе риск искусственного апгрейда разнородных вооруженных элементов – от маргинальных радикалов-исламистов до чистых оппортунистов, местных мини-вождей и полевых командиров – и придания им дополнительного, незаслуженного и непропорционального веса в соответствующем локальном (локально-региональном) контексте.

Вряд ли можно считать совпадением тот факт, что афганские официальные лица впервые публично озаботились угрозой ИГИЛ в Афганистане осенью 2014 г. – как раз тогда, когда администрация Б.Обамы планировала еще более радикальное сокращение военного присутствия США в стране, чем потом оказалось на деле. На тот момент пришелся пик сомнений в том, что военная поддержка афганскому режиму со стороны США продолжится в сколько-нибудь значимом масштабе и после 2014 г. Каким бы ни был реальный масштаб угрозы со стороны ИГИЛ, перед афганскими властями стоял практически непреодолимый соблазн его многократно преувеличить – с тем, чтобы обеспечить сохранение определенного уровня американской военной и финансовой помощи. Как заметил тогда посол США в Афганистане Рональд Ньюманн, «у афганцев есть все причины раздуть эту угрозу [со стороны ИГ – Е.С.], чтобы заставить нас остаться».¹ Если дело обстояло именно так, то новая угроза со стороны ИГ стала той последней каплей, которая, наряду с рядом других соображений, подтолкнула администрацию Обамы к выбору менее радикальной стратегии выхода США из Афганистана, чем планировалось ранее. С тех пор, согласно афганским и американским наблюдателям, как афганские правительственные силы, так и формирования талибов вели «масштабные» операции против ИГ.^{2,3} В январе 2016 г. Пентагон получил официальную санкцию Белого Дома на нанесение авиаударов по позициям ИГ в Афганистане (и уже за первые три месяца после этого осуществил 70–80 таких авиаударов, в основном по целям в Нангархаре).⁴

Простейший способ как-то соотнести спекулятивные, искусственно вздутые оценки числа боевиков ИГ в Афганистане с реальностью – это прислушаться к совету ведущего «полевого» специалиста по Афганистану Тома Руттига (ФРГ) и вычеркивать один ноль из любой, особенно правительственной,

оценки численности ИГИЛ на севере Афганистана.⁵ Если применить это правило к оценке афганскими властями и правительствами стран региона совокупного потенциала ИГИЛ в Афганистане, то, убрав один ноль из официальной оценки Советом национальной безопасности Афганистана числа боевиков ИГИЛ в стране (20000 человек в 2015 г.), получаем реальную численность – не более 2000 джихадистов. Показательно, что это число не противоречит данным командующего коалиционными силами в Афганистане, американского генерала Джона Кэмпбелла, оценившего численность сил ИГ в марте 2016 г. в 1000–3000 боевиков.⁶ В августе 2016 г. новый командующий сил США в Афганистане генерал Джон Николсон заявил, что первоначальная численность ИГИЛ (3000 человек) сократилась почти вдвое, составив 1000–1500 боевиков.⁷ Эти данные подтверждаются и независимыми наблюдателями: в ноябре 2016 г. специалист авторитетной неправительственной международной сети экспертов по Афганистану (“Afghan analysts network”) Борхан Осман оценил число боевиков ИГ в Афганистане максимум в 2000.⁸

Миссия ООН по содействию Афганистану (МООНСА) также весьма умеренна в своих оценках масштаба угрозы со стороны ИГИЛ, которую глава миссии Николас Хейсом в 2015 г. охарактеризовал как «незначительную».⁹ Год спустя он подтвердил, что, по оценкам ООН, присутствие ИГИЛ в Афганистане «ограничено небольшой зоной на востоке страны».¹⁰

Большинство афганских и пакистанских боевиков, аффилированных с ИГИЛ (включая такие ключевые фигуры, как Абдул Рахим Муслим Дост и мавлави¹¹ Абдул Кахар), – это бывшие талибы, по тем или иным причинам разочаровавшиеся в движении. Они были либо исключены из его рядов, либо ушли сами в знак протеста против нового руководства Талибана после подтверждения смерти его многолетнего лидера Муллы Омара или в силу межплеменных разборок. Среди остальных приверженцев ИГ в Афганистане – бывшие участники других афганских группировок исламистского толка, местная молодежь, проникнувшаяся агрессивной пропагандой ИГ, а также некоторое число выходцев из стран Центральной Азии, арабов и т. п.

Больше всего вопросов вызывают спекуляции вокруг присутствия и потенциала ИГ на севере и северо-востоке Афганистана. ИГ нередко упоминают в качестве чуть ли не основного фактора эскалации вооруженных действий и роста потерь среди афганских силовиков в этой части страны с конца 2015 г., которые, по некоторым данным, равнозначны или даже превышают соответствующие потери в традиционно мятежной южной провинции Гильменд. Однако свидетельств какой-либо значительной роли ИГИЛ на севере и северо-востоке страны до сих пор недостаточно. Главной повстанческой силой как в этих регионах, так и на общенациональном уровне остается движение Талибан, включая его различные фракции и примкнувшие к нему группировки. В целом же вооруженная оппозиция на севере страны – это пестрая мозаика, состоящая из множества разных антиправительственных элементов – мелких групп из числа как местных радикалов, так и иностранцев, в основном выходцев из Центральной Азии. Эти группировки часто сливаются или вступают во взаимодействие как друг с другом, так и с талибами – и также часто конфликтуют как между собой, так и с Талибаном. Попытки наклеить на

всех них ярлык ИГИЛ, как это стало модным с 2015 г., не только лишены серьезных оснований, но и искажают реальную картину угроз и вызовов безопасности в этой части страны.

С одной стороны, в Афганистане существует ряд объективных препятствий широкому распространению идеологии крайнего салафизма джихадистского типа, провозглашаемой ИГИЛ. Главное из них – это приверженность большинства афганских суннитов, в то числе талибов, ханафитскому мазхабу (религиозно-правовому течению) в исламе. Это течение имеет свою фундаменталистскую версию – религиозную школу Деобанди, на базе которой, собственно, и выросло движение талибов – и идеологически отличается от салафизма и даже оспаривает ортодоксальность («правочность») последнего. Значительные культурно-языковые различия между Афганистаном и арабским Ближним Востоком также ограничивают распространение форм вооруженного экстремизма, идеология которых происходит из региона Ближнего Востока, ориентирована, прежде всего, на этот регион и именно его ставит в центр мира. В этом смысле в Афганистане ИГ в принципе не может конкурировать с «доморощенным», автохтонным движением Талибан, выросшим в афгано-пакистанском трансграничном контексте и с самого своего формирования в начале 1990-х гг. пользующегося разной степенью поддержки среди местного, в основном пуштунского, населения.

С другой стороны, не стоит сбрасывать со счетов эффект и резонанс мощной транснациональной пропаганды ИГИЛ, которая не просто транслирует некий утопический идеал «исламского порядка», а подает реальный пример его реализации «здесь и сейчас». Самопровозглашенный, но широко разрекламированный ИГ «халифат» – не просто «заразная» идея, а реальный эксперимент построения «исламского государства» на конкретной территории в Ираке и Сирии, подкрепленный, по крайней мере, до начала 2016 г., почти безостановочной серией военных побед. Кроме того, так называемый Вилаят (провинция) Хорасан имеет особое значение для ИГИЛ именно с религиозно-идеологической точки зрения (название «Хорасан» восходит к обозначению исторической области, известной со времен сасанидского Ирана и включавшей в себя, в разных интерпретациях, части современного Ирана, Афганистана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и Пакистана). Согласно апокалиптической идеологии ИГИЛ, именно с территории Хорасана в эпоху «последнего халифа» (аль-Багдади – лишь восьмой по счету «халиф» из двенадцати) на Ближний Восток должен явиться антимессия для финальной схватки «добра со злом». Повышенное внимание к этому региону со стороны ИГ иллюстрирует объявление им в январе 2015 г. «Вилаята Хорасан» своим первым формально признанным «филиалом» за пределами арабского мира.¹²

По трезвому замечанию президента Афганистана Ашрафа Гани в марте 2015 г., *«мы здесь имеем дело не с физическим присутствием выходцев из Сирии или Ирака, а с сетевым эффектом»*.¹³ Действительно, два основных вида воздействия феномена ИГ в Афганистане (и в афгано-пакистанском контексте) выходят за рамки контроля над небольшой территорией в Нангархаре.

В первом случае речь идет о прямом воздействии – новый феномен ИГИЛ

стал катализатором определенных изменений внутри афганской радикально-исламистской вооруженной оппозиции, прежде всего талибов. Подчеркнуто brutальные методы ИГИЛ и его агрессивная современная рекламно-пропагандистская кампания в каком-то смысле застали талибов врасплох и задали новые, более жесткие стандарты вооруженного исламизма. Талибам пришлось адаптировать свою пропагандистскую машину, отчасти – тактику вооруженной борьбы, методы обращения с гражданским населением, пленными, заключенными и т. п. к этим новым, более жестким стандартам. Во многом в силу этой динамики недавние операции талибов отличала более демонстративная агрессивность и жесткость, чем в предыдущие годы. Эта радикализация талибов – с целью перебить эффект ИГИЛ – продолжалась и после избрания в середине 2016 г. мавлави Хайбатуллы Ахунзады новым лидером движения Талибан. Параллельно, ряд более мелких местных вооруженных исламистских группировок, оттесненных талибами на второй план, в стремлении к ребрендингу избрали именно ИГИЛ, или ДАИШ (перевод аббревиатуры ИГИЛ на арабский язык) в качестве главного ориентира в плане символики, идеологии и пропаганды.

Второй тип воздействия феномена ИГИЛ на ситуацию в регионе носит не прямой, а опосредованный, но от этого не менее опасный характер. Он состоит в том, что фактор ИГИЛ в Афганистане стал объектом активной и во многом безответственной манипуляции со стороны большинства правительств, фракций, (конкурирующих) (контр)разведок и служб безопасности, а также негосударственных игроков как во внутриафганском контексте, так и в более широком регионе и даже за его пределами.

III. Оценка Россией угрозы ИГИЛ в Афганистане и Центральной Азии

Даже те зарубежные эксперты и политики (в основном, но не только, западные), которые искренне пытаются понять логику политики России по Афганистану, в том числе в отношении ИГИЛ и талибов, редко улавливают ее суть. Их основная ошибка – в том, что они систематически принимают дискурс и пропаганду за реальную политику (процесс принятия решений и практические действия) и путают манипуляцию и инструментализацию с реальными интересами и озабоченностями. Неспособность отличать одно от другого свойственна многим внешним наблюдателям – и не только в отношении политики России по Афганистану. Эта путаница отчасти проистекает из общего недостатка объективной информации о внешней (и внутренней) политике России, а отчасти – от идеологической зашоренности и политических стереотипов. Среди них – упорное нежелание признавать новые реальности в сфере политики и безопасности в Евразии и тенденция по-прежнему сводить все объяснения к знакомым, но безнадежно устаревшим (пост)советским и/или имперским категориям.

На самом деле, контраст или, как минимум, нюансы между уровнем риторики и практической политики могут быть весьма существенными, а грань между тем, что составляет истинный национальный (государственный) интерес в том или ином вопросе, и манипулированием им, в том числе ради

продвижения иных, более важных стратегических интересов, может быть весьма размытой. Это в полной мере относится ко всем трем основным аспектам в подходе России к проблеме транснационального вооруженного экстремизма в Афганистане:

- оценке Россией масштаба и характера угрозы со стороны ИГИЛ в контексте ситуации внутри и вокруг Афганистана;
- сравнительному подходу России к движению Талибан и фактору ИГИЛ;
- политике России по противодействию транснациональному экстремизму радикально-исламистского толка в центральноазиатско-афганском контексте.

Угрозы безопасности России со стороны ИГИЛ

В середине 2010-х гг. феномен «Исламского государства» (ИГ, или Исламского государства в Ираке и Леванте – ИГИЛ) напрямую угрожал безопасности России в разных формах и по следующим нескольким направлениям.^{14, 15}

Во-первых, речь идет о транснационализации значительной части доморожденных радикальных исламистов, в основном, хотя и не только, с Северного Кавказа, *за счет их оттока в зоны вооруженных конфликтов в Сирии и Ираке* и обретенных там – по крайней мере, теми, кому удалось выжить – транснациональных связей и боевого, террористического и идеологического опыта. Численность иностранных боевиков-террористов (ИБТ) из России (2900 человек, по данным ФСБ на декабрь 2015 г.)¹⁶ сильно уступала числу ИБТ из других стран Ближнего Востока (8240), а также из стран ЕС (около 5000).¹⁷ Тем не менее среди отдельных стран происхождения ИБТ, воевавших в Сирии и Ираке, Россия вышла на третье место (уступив только Тунису и Саудовской Аравии, но обогнав, например, Турцию).¹⁸

Во-вторых, усиление силового давления на позиции ИГИЛ в Сирии и Ираке со стороны внешних сил – параллельно действующих коалиций во главе с Россией и США, правительственных сил Сирии и Ирака и иных местных формирований (курдов, шиитских милиций) привело не только к потере ИГИЛ контроля над частью ранее подконтрольной ему территории и населения (включая крупные города – Алеппо, большую часть Мосула), но и к снижению его привлекательности для ИБТ как «истории успеха» и «непобедимого халифата». Это активизировало циркуляцию потоков ИБТ, в том числе из России, между странами и регионами и повысило *риск их возвращения в страну происхождения и передислокации в третьи страны*.

Рост террористической угрозы со стороны ИБТ с северокавказскими/российскими корнями *для третьих стран* обусловлен двумя основными факторами. С одной стороны, многие боевики ИГИЛ «северокавказского происхождения» на самом деле приехали не из России, а происходили из различных эмигрантских общин и диаспор выходцев с Северного Кавказа в странах Ближнего Востока, Южного Кавказа и Европы – куда выжившие джихадисты и переселенцы в основном и будут пытаться вернуться по мере ослабления самопровозглашенного «халифата» в Сирии и Ираке. С другой стороны, в условиях сравнительно жесткого полицейско-

силового контроля и противодействия насильственному экстремизму в России в целом и на Северном Кавказе, в частности (и вдвойне), доля возвратившихся на родину из Сирии и Ирака джихадистов – российских граждан оставалась одной из самых низких среди основных стран происхождения ИБТ (составив всего 7,3% в конце 2015 г.).¹⁹ Наличие таких жестких сдержек и барьеров на родине также подталкивает многих боевиков к передислокации в третьи страны, где таких ограничений меньше. Этот риск хорошо иллюстрирует, например, террористическая атака на аэропорт им. Ататюрка в Стамбуле 28 июня 2016 г., среди троих исполнителей которой двое были боевиками ИГИЛ с российскими паспортами, прибывшими в Турцию из «столицы» ИГИЛ в Сирии – г. Ракки, а вероятным заказчиком которой, по информации турецких властей, был чеченский эмигрант из Европы и один из видных командиров ИГИЛ Ахмед Чатаев.²⁰

Более опосредованно связанная с ИГИЛ угроза, хотя и напрямую затрагивающая территорию России, – это *серия присяг на верность ИГИЛ* со стороны ряда мелких группировок, мини-джамаатов и полевых командиров северокавказского подполья. С одной стороны, феномен присяг на верность – это, безусловно, проявление дальнейшей радикализации части вооруженного подполья в регионе (а точнее, того, что от него осталось в последние годы). С другой стороны, в кратко-среднесрочном плане он способствовал обострению противоречий между сторонниками ИГИЛ и приверженцами более традиционного зонтично-сетевому «формата» радикально-исламистского насилия в регионе (под эгидой так называемого Имарата Кавказ), оттоку боевиков из ранее лояльных ему групп и тем самым ослаблению «Имарата» и позиций его нового руководства, пришедшего на смену многолетнему лидеру Доку Умарову после ликвидации последнего. Кроме того, парад присяг на верность ИГИЛ постепенно затухает естественным образом – по мере того, как ИГИЛ терпит поражения и теряет контроль над территорией в основном районе своего базирования на Ближнем Востоке и перестает быть той «историей успеха», с которой местные группировки в зонах периферийных конфликтов в разных регионах мира стремились ассоциировать себя любой ценой.

Конечно, этот же процесс – ослабления «ядра» ИГИЛ на Ближнем Востоке – параллельно становится дополнительным фактором риска в плане повышения вероятности возвращения пусть даже небольшого числа из ранее уехавших из России боевиков и переселенцев на родину. Однако, даже если немногим ИБТ удастся каким-то путем подпольно вернуться на Северный Кавказ, это вряд ли коренным образом повлияет на ситуацию в регионе, а скорее, станет лишь еще одним осложняющим фактором и проблемой обеспечения безопасности.

Не меньшую, а большую опасность представляет перспектива возвращения даже очень небольшого числа ИБТ в другие регионы России, особенно в крупные города, где легче затеряться. Она накладывается на тревожный новый феномен в области исламистской радикализации в России, уже не связанный непосредственно с северокавказским контекстом и изначально носящий гибридный транснационально-доморощенный характер. Это распространение в разных регионах РФ мелких, самогенерирующихся

ячеек, состоящих в основном из российских граждан (реже – мигрантов) и вдохновленных посылком, пропагандой, в том числе онлайн, и идеологией транснациональных террористических сетей, прежде всего ИГИЛ. Эти ячейки качественно отличаются от отрядов вооруженного подполья на Северном Кавказе, но все больше типологически схожи с такими же ячейками в Европе и на Западе в целом. Как и их «собратья» на Западе, ячейки этого нового типа в России демонстрируют значительный разрыв между своими завышенными амбициями и целями – и зачастую отсутствием или слабым уровнем подготовки к ведению террористической активности – разрыв, который им с легкостью могут помочь преодолеть даже те немногие боевики-джихадисты, которым все же удастся, несмотря на все барьеры, вернуться в Россию с Ближнего Востока (если их не остановить и не нейтрализовать).

В ряде случаев такие доморощенно-транснациональные радикально-экстремистские микроячейки в России состоят из мигрантов, в основном выходцев из стран Центральной Азии. Более того, уже предпринимались неоднократные попытки манипулировать фактором миграции в целях исламистской радикализации (например, призыв в мае 2015 г. со стороны бывшего полковника вооруженных сил Таджикистана Г.Халимова, примкнувшего к ИГИЛ в Сирии, к таджикским мигрантам в России поддержать ИГИЛ). Исполнителем и организаторами теракта 3 апреля 2017 г. в Санкт-Петербурге метро, в результате которого погибли 16 и были ранены еще несколько десятков человек, также были выходцы из Центральной Азии. Это первый успешный, не предотвращенный теракт в России (а) со стороны радикально-исламистской ячейки нового – не исламистско-сепаратистского, а доморощенно-транснационального типа, (б) с участием мигрантов. Тем не менее, это не должно затенять, во-первых, факта российского гражданства непосредственного исполнителя (возможно, «курьера») Акбарджона Джалилова, а во-вторых, того тревожного феномена, что если радикализация мигрантов и происходит, то в подавляющем большинстве случаев *не до, а после* того, как они приезжают в РФ, т. е. *во время их пребывания в России*. Иными словами, хотя политический соблазн списать проблему преимущественно на прямой «экспорт терроризма» из сопредельных регионов, в особенности из Центральной Азии, и велик (в том числе, возможно, с целью отвлечь внимание от недоработок государственных структур по части превентивной борьбы с радикализацией и экстремизмом внутри России), он не адекватен существующей реальности и сильно упрощает и даже искажает ее.

Несмотря на отдельные случаи радикализации мигрантов, особенно центральноазиатских мусульман, даже теракт 3 апреля 2017 г. в Санкт-Петербурге не меняет того факта, что в целом на данном этапе религиозно-идеологическая радикализация трудовых мигрантов в России пока еще не носит широкого, а тем более массового, характера. Это, кстати, вполне типично для первого поколения трудовых мигрантов (в любой стране), обычно целиком поглощенных задачей элементарного социально-экономического выживания, поддержки оставшихся дома семей и т. п. В более долгосрочном плане, однако, не исключена перспектива более активной радикализации пусть и небольшой части многомиллионных потоков мигрантов (особенно во втором поколении –

т. е. поколении детей осевших в России трудовых мигрантов).

В любом случае, однако, даже та привязка фактора ИГИЛ к потенциалу радикализации трудовых мигрантов в РФ, которая наблюдалась в случае апрельского теракта 2017 г. в Санкт-Петербурге, не имеет отношения к какому-либо «прямому экспорту» фактора ИГИЛ из Афганистана. В более широком плане, как видно из краткого обзора основных террористических угроз безопасности России со стороны ИГИЛ, ни одна из них *не исходит непосредственно из Афганистана* и напрямую с ним не связана. В этом контексте периодические вспышки алармизма в российских СМИ и отчасти в экспертно-(около)политической среде по поводу «угрозы ИГИЛ с юга» с привязкой к Афганистану как к основному ее источнику вызывают как минимум недоумение и вопросы об истинных задачах таких «кампаний».

В реальном измерении, однако, важнее то, что именно центральноазиатский вектор безопасности остается главным предметом беспокойства для России в том, что касается возможных угроз, исходящих с территории Афганистана.

Реализм против алармизма

Если с российской стороны и звучат отголоски алармизма по поводу угрозы ИГИЛ в Афганистане, такой алармизм либо носит неофициальный и поверхностный характер, либо, даже если он и исходит от официальных лиц, то нечасто и обычно в контексте, приуроченном к каким-либо крупным (военно-)политическим мероприятиям в Центральной Азии, например, саммитам Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Один из таких примеров – наделавшее немало шума, особенно за рубежом, заявление Специального представителя Президента РФ по Афганистану Замира Кабулова от 19 апреля 2016 г. о том, что «в Афганистане более 10 тысяч боевиков “Исламского государства”. Но год назад была максимум сотня игиловцев. Такие темпы роста за год впечатляют. Афганское крыло ИГ однозначно заточено под Среднюю Азию, среди них порой рабочий язык даже русский. Их однозначно готовят не для афганской войны, их готовят для Центральной Азии, для России».²¹ Это число многократно превысило большинство других оценок численности боевиков ИГ в Афганистане и противоречило более ранним оценкам, озвученным самим Кабуловым. Так, в декабре 2015 г. он говорил о «небольшой группе – сотне, может быть, чуть больше боевиков» ИГ, переброшенных в Афганистан, подчеркнув, что в России «мы не горим желанием возвращать наших пограничников [на афгано-таджикскую границу]».²²

Вероятно, некоторые «говорящие головы», регулярно выдающие алармистские оценки существующей угрозы на различных телевизионных ток-шоу, в других СМИ и на «экспертном» уровне, в самом деле верят тому, что они говорят. Однако это лишь означает, что они слабо информированы о реальном положении дел, плохо понимают особенности феномена ИГ (о котором подробнее см. в следующем разделе) и путают разные и зачастую не связанные друг с другом явления, смешивая все в одну кучу. Вот, например, типичное высказывание такого рода: «Если “Талибан” борется с иностранным

вмешательством и, будем надеяться, не выйдет за границы страны, то ИГИЛ — прямая угроза России, и то, что боевики уже среди нас, видно по последним разоблачениям ФСБ в Москве, Екатеринбурге и Дагестане».²³

Однако алармизм не является доминирующим настроением в российской официальной риторике по Афганистану и уж тем более не определяет реальную внешнюю политику и политику в области безопасности, которая, как правило, носит подчеркнуто прагматичный и реалистический характер. В своих практических шагах на афганском направлении Россия руководствуется умеренными и адекватными оценками, основанными на всестороннем, профессиональном анализе информации из разных источников, в том числе на местах.

В декабре 2014 г. ведущий российский специалист по вооруженному экстремизму в регионе Александр Князев характеризовал активность ИГ на афганской территории как «транзит» и «попутный контроль», включая конкуренцию за финансирование из внешних источников, которая не сильно отличается от аналогичных междоусобиц среди других афгано-пакистанских группировок.²⁴ Год спустя, по трезвому наблюдению российских официальных лиц, ИГИЛ не вело активных боевых действий на территории Афганистана, за исключением некоторых тренировок с талибами, в том числе за контроль над потоками наркотрафика.²⁵ Профессиональные российские эксперты оценивали численность боевиков ИГ на севере Афганистана примерно в 500 человек (на май 2015 г.), по сравнению с 5000–10000 боевиков Талибана и примкнувших к талибам группировок.^{26, 27} Показательно, что это в три раза ниже, чем оценки афганских властей, согласно которым численность только игиловцев на севере страны в 2015 г. могла достигать 1500 человек.

Для политики России собственно по Афганистану фактор ИГИЛ как самостоятельная величина имеет ограниченное значение. Для России важнее то, как фактор ИГИЛ влияет на активность талибов как главной силы вооруженной исламистской оппозиции, в том числе на динамику внутри движения Талибан, а также значение ИГИЛ в Афганистане в контексте интересов региональных держав и региональной динамики. Иными словами, если фактор ИГИЛ и влияет на подход России к Афганистану как таковому, то в основном в плане восприятия ею общего внутреннего и регионального расклада.

Россия, Талибан и ИГИЛ

Москва официально не выступала против национального примирения в Афганистане и переговоров между центральным правительством и движением Талибан. После 2014 г. российские официальные лица неоднократно подчеркивали, что «о достижении победы над талибами военным путем» речи уже не идет.²⁸ В этом контексте началось определенное сближение России с Пакистаном как главным региональным игроком, имеющим влияние на талибов. На этом фоне сообщения об ограниченных прямых контактах России с представителями движения Талибан по поводу его вооруженной кампании против ИГ, впервые появившиеся в СМИ в октябре 2015 г., вряд ли должны

были кого-то удивить.^{29, 30} В конце концов, помимо Пакистана, большинство региональных держав и многие внерегиональные игроки (от США и Китая до государств Персидского залива) поддерживали более активные и регулярные контакты с талибами. Несмотря на это, в региональных и глобальных СМИ и в определенных политических кругах, особенно в регионе и на Западе, сообщения (а, возможно, целенаправленные информационные утечки) о контактах России с талибами произвели эффект чуть ли не разорвавшейся бомбы.

С одной стороны, слухи о начале ограниченных контактов между Россией и талибами не были беспочвенными. В декабре 2015 г. официальные представители МИД РФ подтвердили, что такие контакты имели место с целью обмена информацией, связанной с борьбой с ИГИЛ.^{31, 32} Очевидное объяснение им дал, в частности, представитель России в ОДКБ Виктор Васильев, отметивший, что «действительно, есть противоречия между талибами и проникающими на территорию Афганистана боевиками ИГИЛ... с тактической точки зрения, эти противоречия надо использовать, и, естественно, было бы хорошо, чтобы они противодействовали друг другу на территории, которая находится за пределами нашей [ОДКБ] зоны ответственности».³³

С другой стороны, сообщения об ограниченных контактах России с талибами сразу же были раздуты вне всяких пределов. Сами талибы максимально постарались не выпячивать эти контакты, отрицая необходимость в помощи извне в их борьбе с ИГИЛ (несмотря на то, что, по некоторым данным, первоначальная утечка в СМИ поступила как раз от их военного комитета).^{34, 35} Россия, в свою очередь, минимизировала необходимые контакты, подчеркивая свою четкую приверженность санкциям Совета Безопасности ООН против движения Талибан, которые в свое время были введены при ее активном участии и, среди прочего, запрещают поставки оружия талибам.^{36, 37} В целом, Москва твердо поддерживает центральное правительство в Кабуле, одновременно вступая в минимальные контакты с талибами по конкретной проблеме безопасности, которая остро беспокоит все государства региона (феномен ИГИЛ), при этом эти уровень этих контактов – более ограничен, чем у многих других государств региона и заинтересованных внерегиональных игроков (США, Великобритания, страны Персидского залива).

Помимо усилий талибов по борьбе с ИГИЛ как первой и наиболее очевидной причины, по которой Москва сочла полезным наладить с ними контакт, внимания заслуживают еще как минимум три дополнительных движущих фактора.

Во-первых, контакты Москвы с талибами нельзя рассматривать вне контекста общего сближения между Россией и *Пакистаном*, для которого ИГИЛ представляет реальную угрозу безопасности. Исламабад рассматривает ИГИЛ как еще один фитиль, который призван разжечь вооруженную, в том числе террористическую, активность в и без того беспокойной племенной зоне на пакистанской стороне границы с Афганистаном. Кроме того, ИГИЛ ведет борьбу с талибами (которых Пакистан рассматривает как основу своего влияния в Афганистане) и пытается конкурировать в ними, по крайней мере, в ряде восточных афганских провинций. На этом фоне общая обеспокоенность

проблемой ИГИЛ стала дополнительным фактором сближения России с Пакистаном.

Второе возможное дополнительное объяснение носит более чувствительный характер и связано с высокой степенью недоверия, которую в России питают к действиям и намерениям Запада и, прежде всего, США в целом и в Афганистане, в частности (и наоборот). Так, ряд западных экспертов, чиновников и военных неоднократно высказывали подозрения в определенном манипулировании и сознательном преувеличении Россией угрозы транснационального терроризма в регионе в целом и фактора ИГИЛ в Афганистане, в частности (например, с целью усилить ориентацию государств Центральной Азии на Россию и ОДКБ в вопросах безопасности).³⁸ Однако и в России ряд наблюдателей, в свою очередь, склонны подозревать США в частичном манипулировании фактором ИГИЛ в Афганистане против российских интересов. Предполагаемые формы такой манипуляции – от спорадических волн сообщений в западных и международных СМИ и других источниках о внезапной резкой активизации ИГИЛ в северных провинциях Афганистана (не всегда коррелировавших с действительностью) до слухов о переброске на север страны боевиков-джихадистов из других районов авиатранспортными средствами без опознавательных знаков. В мае 2017 г. МИД РФ официально призвал обратить внимание на информацию о «неопознанных» воздушных судах, замеченных в оказании поддержки местным боевикам ИГИЛ.³⁹ В качестве возможных мотивов такой манипуляции, если она действительно имела место, приводится, например, стремление таким образом оказать определенное давление на Россию в ее южном «подбрюшье», напомнить ей о ее уязвимости на южных рубежах ОДКБ, вынудить Москву уделять больше внимания угрозам безопасности со стороны Афганистана и таким образом отвлечь часть ее усилий и ресурсов от тех регионов и кризисов, где она гораздо более активна и располагает несравнимо большими рычагами воздействия на ситуацию (например, от конфликтов в Сирии и на Донбассе).^{40, 41}

Наконец, третий аспект связан с новой для России посреднической ролью по поиску мирного решения афганской проблемы, прежде всего, на региональном уровне. Ни одну из связанных с Афганистаном проблем безопасности для России и ее центральноазиатских соседей и союзников – от наркотрафика до трансграничной нестабильности и транснационального терроризма – не удастся решить или хотя бы значительно ослабить до тех пор, пока в Афганистане продолжается интенсивный вооруженный конфликт. Поэтому Россия, возможно, как никто другой искренне заинтересована в стабилизации Афганистана. Однако, как показал опыт последних 15 лет, одним сочетанием военного давления на талибов с западной и другой внешней помощью центральному афганскому правительству ни стабилизации, ни даже сколько-нибудь существенной деэскалации вооруженного конфликта не добиться (даже на этапе, когда эта помощь была гораздо масштабнее, чем после 2014 г.). Что в такой ситуации остается делать России, с учетом, с одной стороны, ее ограниченного влияния в самом Афганистане и невозможности варианта военного присутствия в этой стране, а с другой стороны, изменившихся региональных условий? Среди них – растущая, а по отдельным

направлениям уже и доминирующая, роль в афганском вопросе региональных держав (прежде всего «большой четверки» – Пакистана, Ирана, Китая и Индии), долгосрочное снижение роли США и Запада в сфере безопасности (даже если при администрации Д.Трампа «остаточные» контингенты сил США и НАТО будут несколько усилены), а также угроза со стороны ИГИЛ, заставившая несколько по-новому взглянуть на роль движения Талибан в региональном и внутриафганском раскладе. Все, что остается России, и то, что она в силах сделать в таких условиях – это активизировать дипломатические усилия, прежде всего, на региональном уровне, с целью стабилизации ситуации путем поддержки инклюзивного регионального мирного процесса по Афганистану. Это требует контактов со всеми заинтересованными сторонами, включая талибов.

Этой логикой продиктована организация силами российской дипломатии так называемого московского формата – трех раундов региональных консультаций в Москве по политическому урегулированию конфликта в Афганистане, состоявшихся в декабре 2016 г. (с участием России, Китая и Пакистана), в феврале 2017 г. (когда к этим трем участникам добавились Афганистан и региональные тяжеловесы Иран и Индия) и в апреле 2017 г. (уже в составе 11 стран – Афганистана, соседних держав «большой четверки», России, а также стран Центральной Азии). Московские консультации по Афганистану следует рассматривать не столько как альтернативу, сколько как параллельные усилия, дополняющие ряд других переговорных треков. Вне зависимости от того, удастся ли провести следующий раунд таких широких региональных консультаций (который Афганистан предложил провести в Кабуле), они себя уже оправдали. Их важным результатом стало впервые одобренное всеми странами региона заявление о допустимости и необходимости подключения движения Талибан к процессу политического урегулирования в Афганистане, а также призыв к талибам прекратить вооруженные действия и вступить в конструктивный диалог с афганским правительством по национальному примирению.

В этом контексте все попытки как внутри Афганистана, так и со стороны внешних игроков (прежде всего, военного ведомства США) преувеличить контакты России с талибами, включая ничем не подтвержденные обвинения в поставках ею оружия талибам, могут быть продиктованы стремлением не только свалить на кого угодно провалы собственной политики, но и сорвать или дискредитировать позитивные миротворческие усилия Москвы на региональном уровне. Впрочем, официальной афганской позицией по этому вопросу Россия считает высказывание секретаря Совета национальной безопасности Мохаммада Ханифа Атмара, который заявил в ходе своего визита в Москву 17 марта 2017 г., что его убедили заверения российских представителей о том, что Москва поддерживает контакты с талибами исключительно для того, чтобы склонить руководство повстанческого движения к мирным переговорам с кабульским правительством.⁴²

IV. Россия и угроза ИГИЛ (в) Центральной Азии

Пока наиболее реальная причина беспокойства России по поводу фактора

ИГИЛ в Афганистане – это его возможный дестабилизирующий потенциал для стран Центральной Азии. В этом регионе, в отличие от собственно Афганистана, Россия имеет достаточно серьезные интересы для того, чтобы играть значительную роль в области безопасности – от ограниченного военного присутствия и баз до ведущей роли в рамках ОДКБ как основного военно-политического института региональной безопасности. Однако, с учетом того, что роль ИГИЛ даже в самом Афганистане весьма ограничена и часто преувеличена, оснований паниковать по поводу «перелива» ИГИЛ из Афганистана в страны Центральной Азии пока нет.

Три вызова ИГИЛ для стран Центральной Азии

Это не значит, что для стран Центральной Азии не стоит проблема ИГИЛ. Однако, как уже отмечалось выше, ИГИЛ – многогранный феномен, и связанные с ним вызовы варьируются по их типу, происхождению, масштабу и степени вероятности для того или иного региона. В этом смысле можно выделить три основных вызова для Центральной Азии:

(1) мобилизация местных радикалов и их отправка в качестве иностранных боевиков-террористов в зону территориального ядра ИГ в Сирии и Ираке, а также потенциал их возврата с Ближнего Востока в страны происхождения (особенно начиная с середины 2016 г.);

(2) радикализация местных (полу)автономных ячеек (небольших, в основном самогенерирующихся, но под сильным воздействием пропаганды ИГИЛ, часто онлайн, и идеологии «глобального джихада»);⁴³

(3) потенциал прямого перелива элементов ИГИЛ из соседних стран – Афганистана и Пакистана – в Центральную Азию.

Хотя эти вызовы (особенно первый и второй) могут быть взаимосвязаны, они развиваются и параллельно, несут в себе разную степень угрозы, а их соотношение носит динамичный характер и может меняться со временем. Тенденция смешивать все три вызова в один отчасти происходит от непонимания специфики идеологии и практики ИГ как самопровозглашенного «халифата» и в особенности недооценки того приоритета, которое это движение на своем пике – в 2014–2016 гг. – отдавало императиву построения модели исламского государства на Ближнем Востоке и привлечению иностранных боевиков и просто мусульман из других стран и регионов «на землю халифата» над всеми другими задачами, включая физическое распространение на другие регионы и образование там филиалов.⁴⁴

По мере реального усиления военного давления на ИГИЛ в Сирии и Ираке (с рубежа 2015–2016 гг.) и постепенной утери самопровозглашенным «халифатом» территориального контроля, стала расти вторая угроза – возврата ИБТ в страны их происхождения, в том числе в Евразии. В то же время третья угроза – прямой экспорт насилия со стороны афгано-пакистанского ИГИЛ в страны Центральной Азии – на этом этапе оставалась *на низком уровне. Ее вероятность может возрасти только в одном случае – если ИГИЛ в Афганистане претерпит серьезную трансформацию в плане состава участников и основных районов базирования.* Это может произойти, если, в

условиях серьезных ограничений в странах Центральной Азии (и Евразии в целом) на возврат туда ИБТ, часть возвращающихся боевиков не только оседает в третьих странах Ближнего Востока (включая Турцию) и Европы, но и направится на север Афганистана и скопится там – в серой зоне, населенной в основном теми же этническими группами (таджиками, узбеками, туркменами и т. д.) и расположенной недалеко от родины. В таком случае, однако, речь будет идти о явлении иного состава, происхождения, территориального базирования и целей, чем изначальный анклав ИГ (вилаят Хорасан) на востоке Афганистана.

Отток и потенциал возвращения ИБТ

Пока основной уязвимостью, связанной с ИГИЛ, для центральноазиатских стран остается тот факт, что Центральная Азия является регионом происхождения достаточно значительного числа боевиков-джихадистов, уехавших на Ближний Восток. Это автоматически означает их транснационализацию, а для тех, кто выжил (и выживет) – подразумевает вероятность дальнейшего транзита в третьи страны и/или попытку вернуться домой. Хотя общая численность ИБТ центральноазиатского происхождения (оценки которой варьируются от 2000 до 4000 человек)^{45, 46} сравнима с числом ИБТ из России, а по верхней планке лишь немного уступает числу ИБТ из стран ЕС, все познается в сравнении, и этот риск также нуждается в калибровке.

Во-первых, по отношению к общему числу мусульманского населения в Центральной Азии, доля ИБТ для этого региона на самом деле совсем не высока, по сравнению с другими регионами – например, с Европой. Если в Таджикистане лишь один из 20000 мусульман отправился на Ближний Восток воевать за ИГ, то для бельгийских мусульман это соотношение составило 1:1500 (т. е. более, чем в 13 раз выше).⁴⁷

Во-вторых, Центральная Азия – это один из регионов, куда массовое возвращение ИБТ, пожалуй, наименее вероятно – прежде всего, в силу жестких мер противодействия терроризму, репрессивного аппарата и полицейского и специального контроля со стороны властей большинства центральноазиатских государств. Те вооруженно-экстремистские группировки, которые в прошлом были вынуждены передислоцироваться из Центральной Азии в соседние Афганистан и Пакистан (страны, расположенные гораздо ближе, чем Сирия и Ирак) – например, Исламское движение Узбекистана (ИДУ) или Союз исламского джихада – так и не смогли вернуться домой ни полностью, ни частично (несмотря на предпринятые ИДУ несколько трансграничных рейдов на рубеже 1990-х и 2000-х гг.); их основными районами базирования остаются пакистанская зона племен и север/северо-восток Афганистана. К началу 2016 г. даже в относительно более либеральном Кыргызстане были арестованы все из двух-трех десятков вернувшихся ИБТ (а доля вернувшихся, как и в России на тот период, составила 5–7,5% уехавших).⁴⁸

В-третьих, по крайней мере, вплоть до середины 2017 г. передислоцирующиеся из Сирии и Ирака центральноазиатские ветераны ИГ стали источником террористической опасности и нанесли больше вреда в

третьих странах (прежде всего, в Турции, где как минимум один из террористов, устроивших взрыв в Стамбульском аэропорту в июне 2016 г. и единственный исполнитель теракта в стамбульском же ночном клубе «Рейна» 1 января 2017 г. были выходцами из Центральной Азии, с опытом пребывания в рядах ИГ на Ближнем Востоке.

Несмотря на все это, прямая угроза странам Центральной Азии со стороны ветеранов ИГИЛ центральноазиатского происхождения, которая пока носит весьма ограниченный характер, может, как отмечалось выше, возрасти в ближайшие годы. Если, по мере роста оттока ИБТ из Сирии и Ирака, одни выжившие боевики центральноазиатского происхождения предпочтут отсидеться, продолжить террористическую активность и/или осесть в третьих странах (Турции, других странах Ближнего Востока, странах Европы и в России), то другие могут попытаться вернуться если и не сразу в Центральную Азию, то, по крайней мере, в сопредельный регион и сосредоточиться на севере Афганистана.

Тем не менее, на данном этапе непропорционально большой упор на угрозу ИГ как на некое «вездесущее зло» и источник чуть ни всего вооруженного экстремизма в более широком регионе не вполне оправданно и отвлекает внимание от трех не менее важных проблем.

Во-первых, на данном этапе более реальную, хотя и ограниченную по масштабу угрозу безопасности стран Центральной Азии представляет собой ряд уже базирующихся на севере Афганистана мелких вооруженных группировок, особенно тех из них, где доминируют выходцы непосредственно из Центральной Азии. Среди них – не только давно известные и базирующиеся в Афганистане и Пакистане ИДУ (известное также под обновленным названием Исламская партия Туркестана) и Союз исламского джихада, но и, например, «Хетоб» и «Таш» вдоль афгано-туркменской границы, т. н. центральноазиатский Талибан, «Моджахеды Центральной Азии», уйгурская группировка «Хелафат», казахская «Фата» в Кундузе, киргизская «Калкалы» в Бадахшане и т. п.

Во-вторых, характер и масштаб угрозы выплеска нестабильности и вооруженного экстремизма с севера афганской территории в Центральную Азию может сильно варьироваться от одной центральноазиатской страны к другой и даже от одного района к другому. Соотношение соответствующих угроз странам региона может также меняться со временем. Например, в конце 1990-х – 2000-е гг. наибольшая угроза переноса нестабильности исходила из приграничных районов Афганистана для Таджикистана и Узбекистана (а ситуация на таджикско-афганской границе однозначно была наиболее проблемной). Однако в середине 2010-х гг. наибольшие опасения в плане трансграничной нестабильности вызывали Туркменистан и Таджикистан, в то время как угроза для Узбекистана снизилась, а для Кыргызстана оставалась невысокой.

В-третьих, необходимо помнить, что, по крайней мере, на протяжении первых 15 лет XXI века, основные реальные угрозы насильственного экстремизма для стран Центральной Азии были связаны не с инфильтрацией боевиков-джихадистов с сопредельных стран и регионов, а с внутренними

условиями, источниками и движущими силами, периодически ведущими к вспышкам насилия – от спонтанных, неорганизованных массовых волнений до инспирированных этнических погромов, межобщинного и другого насилия, включая терроризм.

Значение для России

Россия в Евразии существует не в вакууме, а в теснейшей исторической, социально-экономической, культурной и институциональной взаимосвязи с другими странами региона, в том числе центральноазиатскими. С тремя из пяти государств Центральной Азии Москва, помимо аморфных структур СНГ, связана еще и совместным членством в военно-политическом блоке (ОДКБ). Россия и страны Центральной Азии связаны также облегченным пограничным режимом, отсутствием визового контроля и огромными, многомиллионными потоками людей, прежде всего трудовых мигрантов, перемещающихся в основном из Центральной Азии в Россию и в обратном направлении, причем зачастую многократно.

В контексте масштаба популяции мигрантов из центральноазиатских стран в России и на фоне общего спектра террористических угроз ее безопасности, проблема религиозно-идеологической радикализации мигрантов пока не стала значительным социальным феноменом. Впрочем, это типично для первого поколения трудовых мигрантов, как правило, всецело поглощенных задачей экономического выживания, во многих странах мира, в том числе западных.

Тем не менее, в этой сфере существуют свои факторы риска. Так, в ряде случаев в состав радикализирующихся мелких ячеек в России, вдохновленных ИГ и иными транснациональным версиями джихадизма, входят не только российские граждане, но и мигранты, и россияне центральноазиатского происхождения (есть и пока редкие примеры ячеек, состоящих только или в большинстве своем из мигрантов). Тревожный симптом – в том, что в большинстве случаев их радикализация происходит не на родине и не до, а после приезда в Россию, т. е. во время пребывания на российской территории. Более того, для властей центральноазиатских стран возвращение пусть небольшого числа радикализовавшихся в России (и Казахстане) мигрантов представляет почти не меньшую проблему безопасности, чем потенциал возвращения боевиков-джихадистов из Сирии и Ирака.

Уже наблюдались попытки целенаправленной манипуляции связанной с ИГ угрозой исламистской радикализации применительно к мигрантам из стран Центральной Азии в России. Так, еще в мае 2015 г. бывший полковник вооруженных сил Таджикистана Г.Халимов, примкнувший к ИГ, призвал таджикских мигрантов в России к вступлению в ряды «Исламского государства».

На этом фоне особого внимания заслуживает теракт 3 апреля 2017 г. в Санкт-Петербургском метрополитене, в результате которого погибло 15 и было ранено еще несколько десятков человек. Показательно, что хотя непосредственный исполнитель А.Джалилов формально был натурализованным российским гражданином, не только все подозреваемые, в т. ч. арестованные, на момент написания статьи пособники и организаторы

теракта (братья Азимовы, Сираджуддин Мухтаров, он же Абу Салах аль-Узбеки, и др.) были выходцами из Центральной Азии, но и молодой исполнитель теракта уже был представителем второго, или в данном случае, скорее, «полуторного» поколения мигрантов.

В целом, на данном этапе, даже несмотря на теракт 3 апреля 2017 г., отдельные случаи радикализации мигрантов в России, особенно центральноазиатских мусульман, не должны затенять того факта, что коренные российские граждане подвержены этому новому типу радикализации никак не меньше, чем мигранты, а сам феномен в России пока не носит сколько-нибудь массового характера (в отличие, например, от стран Европы). Тем не менее, в более долгосрочном плане не исключена перспектива более активной и масштабной радикализации пусть и небольшой части многомиллионных потоков мигрантов, особенно во втором поколении – поколении детей осевших в России мигрантов. В любом случае, к фактору ИГИЛ в Афганистане в его нынешнем виде эти процессы имеют мало – или практически никакого – отношения.

V. Заключение

Смысл в адекватной оценке угрозы со стороны ИГИЛ в Афганистане для России состоит не в том, чтобы не замечать алармистских высказываний ряда отечественных медийных персонажей по этому поводу, и не в том, чтобы делать вид, что Россия, как и многие другие державы внутри и вне региона, не использует этот фактор для продвижения собственных стратегических интересов. В центре этих законных стратегических интересов – сохранение роли и влияния России в Центральной Азии и предотвращение любой серьезной дестабилизации ситуации в регионе. Трезвая оценка фактора ИГИЛ также отнюдь не подразумевает, что из Афганистана не исходит ряда конкретных угроз безопасности стран Центральной Азии. Хотя на данном этапе они не слишком масштабны, в ближайшие годы связанные с Афганистаном риски для безопасности стран Центральной Азии могут возрасти, особенно в случае сосредоточения на севере Афганистана возвращающихся в регион из Сирии и Ирака местных боевиков-террористов.

Отрадно, что реальный процесс принятия решений в области внешней политики и безопасности применительно к Афганистану в России диктуется не истерично-алармистским, а сугубо прагматичным подходом, согласно которому Афганистан пока не является основным источником террористической опасности непосредственно для России. В то же время предотвращение «перелива» вооруженного экстремизма и нестабильности из Афганистана в страны Центральной Азии остается одним из двух главных приоритетов в российской политике безопасности на афганском направлении (вторым является противодействие наркотрафику и сокращение опийной экономики в Афганистане). Следуя этой задаче, российская стратегия состоит в развитии сотрудничества в области безопасности со своими партнерами по ОДКБ – Таджикистаном и Кыргызстаном – и в поддержке стабильности двух крупных центральноазиатских соседей Афганистана – Туркменистана и Узбекистана.

В более широком плане умеренно активный курс России в вопросах безопасности в Центральной Азии продолжит сочетаться с сохранением Москвой дистанции от конфликта в Афганистане. Смысл сохранения такой дистанции – любой ценой избежать риска прямого вмешательства России в афганский конфликт и не позволить *другим* втянуть Россию в афганскую проблему в большей степени, чем это оправдано российскими интересами в Центральной Азии (в том числе путем манипуляции фактором ИГИЛ и угрозой исламистского терроризма в Афганистане против интересов России и ее союзников). Такая дистанция допускает, тем не менее, не только оказание ограниченной военной помощи афганскому правительству (включая поставки вооружения, боеприпасов, военной техники, подготовку специалистов), но и определенные усилия России в деле мирного урегулирования афганского конфликта.

В плане влияния на ситуацию в самом Афганистане Россия постепенно начала терять интерес к ограниченному «остаточному» присутствию США и НАТО, особенно после 2014 г. Возможное некоторое увеличение численности американского контингента в Афганистане при администрации Д.Трампа вряд ли каким-то существенным образом повлияет на ситуацию в области безопасности в стране. Параллельно Россия за последние годы значительно активизировала диалог и сотрудничество по афганской проблеме со всеми основными региональными державами. Внутри Афганистана Россия последовательно поддерживает центральное коалиционное правительство А.Гани-А.Абдуллы, установив при этом ограниченные контакты со всеми основными внутриафганскими силами. Эта триада – упор на сотрудничество с ключевыми региональными игроками в афганском вопросе, поддержка афганского правительства и одновременно внутриафганского диалога – объясняется искренней заинтересованностью Москвы в повышении функциональности и легитимности афганского государства. В долгосрочном плане, решение этой задачи может быть достигнуто только в результате политической стабилизации на национальном уровне путем соглашения о разделе власти, в том числе с более умеренными и «афганоцентричными» силами внутри движения Талибан, вкупе с более консолидированными усилиями на афганском, региональном и более широком международном уровнях по противодействию подчеркнуто транснационализированным формам вооруженного экстремизма, в том числе группировкам, вдохновленным или связанным с ИГИЛ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Hodge N., Stancati M. Afghans sound alarm over Islamic State recruitment // Wall Street Journal. 13 October 2014.

² McFate J., Denaburg R., Forrest C. Afghanistan Threat Assessment: the Taliban and ISIS. Institute for the Study of War Backgrounder. 10 December 2015.

³ Daud M. Afghanistan: Overview of Sources of Tension with Regional Implications – 2015. Barcelona: CIDOB, 2016.

⁴ По словам бриг. ген. Чарльза Кливленда, представитель коалиции во главе с США по связям с общественностью: Department of Defense Press Briefing by General Cleveland via teleconference from Afghanistan. Press Operations News Transcript. 14 April 2016.

⁵ Из выступления Тома Руттига на Радио Свободная Европа/Свобода: The Black flag south of the Amu-Darya // Radio Free Europe/Radio Liberty (RFE/RL). 17 March 2015.

⁶ Цит. по: Aman F. Peace with Taliban Could Stem ISIS Growth in Afghanistan. Middle East Institute (MEI). 2 March 2016. URL: <<http://www.mei.edu/content/article/peace-taliban-could-stem-isis-growth-afghanistan>>.

⁷ Цит. по: Most Islamic State fighters in Afghanistan are TTP men: top US commander // The Express Tribune [Pakistan]. 1 August 2016.

⁸ Цит. по: ISIS in Afghanistan: “Their peak is over, but they are not finished” // The Guardian. 18 November 2016.

⁹ Спецпредставитель генсека ООН: пока ИГИЛ не угрожает Афганистану // РИА-Новости. 29.12.2015. URL: <<https://ria.ru/interview/20151229/1350943388.html>>

¹⁰ Survival will be an achievement for new Afghan Government, says UN envoy // UN News Centre. 15 March 2016.

¹¹ Мавлави – исламское религиозное звание (близко по значению мулле или шейху).

¹² Аудиозапись речи «спикера» ИГ Абу Мухаммада аль-Аднани аш-Шами «Умрите в своем гневе»: Al-Furqan. 26 January 2016. Руководить «провинцией Хорасан» ИГ был назначен бывший пакистанский талиб – глава племени Оракзай Хафиз Сайед Хан.

¹³ Ghani acknowledges ISIS (Daesh) gaining influence in Afghanistan // Khaama Press. 21 March 2015.

¹⁴ См. Степанова Е. «Исламское государства» как проблема безопасности России: характер и масштаб угрозы / Аналитическая записка ПОНАРС Евразия № 393. декабрь 2015 г. URL: <http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepr393_rus_Stepanova_Dec2015_0.pdf>.

¹⁵ Степанова Е. Спасти и оградиться: Россия и «Исламское государство». Российский совет по международным делам (РСМД). 3 июля 2015 г. URL: <<http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/spastis-i-ograditsya-rossiya-i-islamskoe-gosudarstvo/>>.

¹⁶ Из доклада директора Федеральной службы безопасности (ФСБ) РФ Александра Бортникова на заседании Национального антитеррористического комитета (НАК) 25 декабря 2015 г. Цит. по: Росбизнесконсалтинг (РБК). 25.12.2015.

¹⁷ В конце 2015 г. в Сирии и Ираке воевало около 5000 джихадистов-выходцев из стран Европейского Союза. Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. – N.Y.: The Soufan Group, December 2015. P. 5, 7–10.

¹⁸ Ibid. P. 5.

¹⁹ По оценке директора ФСБ А.Бортникова, к концу 2015 г. лишь 214 из 2900 боевиков-террористов российского происхождения вернулись из Сирии и Ирака в Россию. Цит. по: ТАСС. 15.12.2015. Для сравнения: на тот же момент домой вернулось почти 50% всех уехавших воевать в Сирию и Ирак джихадистов из Великобритании: CONTEST: The United Kingdom's Strategy for Countering Terrorism: Annual Report for 2015 Presented to Parliament by the Secretary of State for the Home Department. CM9310. – L., July 2016. P. 7.

²⁰ Erdogan announces Istanbul airport attack terrorists' nationalities // Sputnik. 05 July 2016; Karimi F., Almasry S. Istanbul airport attacks: planner, 2 members identified, report says // CNN News. 2 July 2016.

²¹ Пресс-конференция агентства «Россия сегодня» ("Russia Today"). Москва, 19 апреля 2016 г.

²² Замир Кабулов: «Иностранные военные покидают Афганистан в крайне неудачный момент» // ИНТЕРФАКС. 29.12.2015. URL: <<http://www.interfax.ru/interview/416048>>.

²³ Интервью с сенатором Игорем Морозовым: Афганистан следует признать приоритетом России // Известия. 05.04.2016. URL: <<http://izvestia.ru/news/608501>>.

²⁴ Резюме закрытого ситуационного анализа "Развитие ситуации в Северном Афганистане в среднесрочной перспективе", организованного Общественным фондом Александра Князева (URL: <<http://www.knyazev.org/fundate.shtml>>) и информационным агентством REGNUM. Ташкент, 15 декабря 2014 г. URL: <<https://regnum.ru/news/polit/1876711.html>>.

²⁵ Шестое заседание Совместной рабочей группы России и США по афганскому наркотрафику, Москва, 6 октября 2015 г.

²⁶ Мухин В. Войска ОДКБ готовятся дать отпор исламистам // Независимая газета. 20.05.2015.

²⁷ Серенко А. Будущее халифата – под вопросом: перспективы и сложности продвижения проекта «Исламское государство» на восток // Независимое военное обозрение. 22.05.2015.

²⁸ Интервью Специального представителя Президента РФ по Афганистану, директора Второго департамента Азии МИД России З.Н.Кабулова Информационному агентству России ТАСС, 29 декабря 2015 г. Пресс-служба МИД РФ, 30.12.2015. URL: <http://www.mid.ru/publikacii/-/asset_publisher/nTzOQTrrCFd0/content/id/2003777>.

²⁹ Russia has communication channel with the Taliban: foreign ministry official // Sputnik International. 26 October 2015.

³⁰ Yusafzai S. A Taliban-Russia team-up against ISIS? // The Daily Beast. 26 October 2015.

³¹ Замир Кабулов: «интересы талибов в борьбе с ИГИЛ объективно совпадают с российскими» // Интерфакс. 12.12.2015.

³² См. интервью с пресс-секретарем МИД РФ Марией Захаровой: Roth A. Russia is sharing

information with the Taliban to fight the Islamic State // The Washington Post. 23 December 2015.

³³ Полпред РФ при ОДКБ: считаем, что предпринимаемых сегодня мер достаточно для отражения угрозы ИГИЛ из Афганистана // Интерфакс. 28.03.2016.
URL: <<http://www.interfax.ru/interview/500629>>.

³⁴ Taliban denies sharing ISIL intelligence with Russia // Al-Jazeera. 26 December 2015.

³⁵ Russia has communication channel with the Taliban: foreign ministry official // Sputnik International, 26 October 2015.

³⁶ Roth A. Op. cit.

³⁷ Полпред РФ при ОДКБ... Ук. соч.

³⁸ Standish R. Putin to Central Asia: daddy save you from Islamic State // Foreign Policy. 11 June 2015.

³⁹ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с деятельностью «неопознанной» авиации в Афганистане. 30.05.2017. URL: <http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2769649>.

⁴⁰ См. обзор Круглого стола «Развитие ситуации в Афганистане в 2016 г.» под эгидой Российского совета по международным делам (РСМД), 18 апреля 2016 г.: Афганская проблема: анализ современных рисков и угроз // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1(50). P. 132–134. URL: <http://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2016/01/13_Afganistan_RT.pdf>

⁴¹ По словам ряда российских наблюдателей, часть боевиков была транспортирована в северные провинции с юга и юго-востока Афганистана на «военных вертолетах без опознавательных знаков». Дискуссии на шестом заседании Совместной рабочей группы России и США по афганскому наркотрафику, Москва, 6 октября 2015 г.

⁴² Акценты недели: Политический процесс в Афганистане 13-19 марта 2017 г. // Информационный портал «Афганистан.Ру». 22.03.2017.
URL: <<http://afghanistan.ru/doc/108455.html>>.

⁴³ Данных для того, чтобы однозначно отнести атаки на два оружейных склада и военное подразделение в Актобе (Казахстан) 2 июня 2016 г. к терактам со стороны местных ячеек, связанных с ИГИЛ, или к проявлениям внутривнутриполитического терроризма, недостаточно.

⁴⁴ Подробнее см.: Stepanova E. Regionalization of violent jihadism and beyond: the case of Daesh // The Interdisciplinary Journal on Religion and Transformation in Contemporary Society. 2016. № 3: Religious Fundamentalism. P. 30–55.

⁴⁵ Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. P. 15.

⁴⁶ Syria Calling: Radicalisation in Central Asia. International Crisis Group (ICG) Europe and Central Asia Briefing № 72. – Brussels: ICG, January 2015. P. 3.

⁴⁷ Согласно подсчетам Эдварда Лемона, Университет Экзетера (Великобритания). Цит. по: Standish R. Ibid.

⁴⁸ Country Reports on Terrorism 2015. – Washington D.C.: U.S. Department of State Bureau on Counterterrorism and Countering Violent Extremism, 2016.